

Человѣкъ! И ты плывешь по многоятежному морю жизни къ блаженной пристани—царствію небесному. Держись неизмѣнно вѣрнаго указателя пути—св. православной вѣры. Во время бури страстей погружай въ глубину твоего сердца надежный якорь—страхъ Божій. Не довѣряй слѣпо собственному разуму: онъ часто ошибается. Не полагайся на сужденіе свѣта: оно, какъ вѣтрило, колеблется то туда, то сюда, куда подуетъ вѣтеръ. („Воскресный День“ 1893 г. № 44).

Къ годовщинѣ смерти (24 октября 1893 года) преосвященнаго епископа Саратовскаго Аврамія *).

Рѣчь, сказанная 24 октября сего года въ домѣ роднаго брата преосвященнаго Аврамія, о. ключаря Астраханскаго кафедральнаго собора протоіерея Н. И. Лытницкаго, при годичномъ поминовеніи почившаго архипастыря).

Когда еще была свѣжа могила нашего дорогаго покойника, преосвященнѣйшаго епископа Саратовскаго Аврамія, когда мы, всѣ родные его, неожиданно, какъ громомъ были поражены внезапной смертью его, въ то время уста наши нѣмѣли... мы не смѣли растревлять раны такъ сильно болѣвшею душою его старушки—матери, брата, родныхъ: мы сами вмѣстѣ съ ними проливали горячія, неподдѣльные слезы. Но теперь, когда мы собрались сюда, чтобы въ годовщину смерти его помянуть своего роднаго покойника, позвольте мнѣ слабыми устами начертить предъ вами тотъ дорогой образъ, который на вѣки останется въ памяти нашей и будетъ лучшимъ воспоминаніемъ изъ жизни нашего семейства. Мы не будемъ судить о его административной дѣятельности на пользу вѣранныхъ его попеченію епархій (Гродненской, Тобольской и Саратовской), такъ какъ эта дѣятельность оцѣнена другими и происходила внѣ нашихъ личныхъ наблюденій. Но мы были свидѣтелями его личныхъ взглядовъ и нравственныхъ убѣжденій и объ нихъ—то среди его родныхъ желали бы повѣдать для уясненія его высоконравственной личности въ назиданіе и въ великое наслѣдство, сколько сами знаемъ, видѣли и изучались.

Теперь мы знаемъ подробности смерти почившаго преосвященнаго Аврамія. И въ этихъ частностяхъ, могущихъ казаться простыми и обыкновенными, усматриваемъ полное отраженіе того, чѣмъ онъ былъ во всей своей жизни. Онъ былъ тѣмъ великимъ подвижникомъ, идейнымъ человѣкомъ, аскетомъ, которые невѣдомо міру скрываютъ въ себѣ всѣ лучшія качества своей души, такъ скрываютъ, чтобы никто не могъ хотя единымъ словомъ очернить или бросить тѣнь на ихъ нравственный образъ. Замѣчая въ себѣ

*) Некрологъ преосвященнаго Аврамія помѣщенъ въ № 23 „А. Е. В.“ 1893 года.

давно зачатки болѣзни, столь преждевременно сложившей его въ могилу, онъ старался не мірскими средствами лѣчить себя на видъ другимъ, а какъ истый аскетъ, трудомъ, молитвою и службами церковными хотѣлъ подавить въ себѣ свою болѣзнь. Душу свою онъ лѣчилъ, а не тѣло, которое считалъ грѣховнымъ и по природѣ подлежащимъ тлѣнію. И въ этомъ высокомъ принципѣ, дозволюте сказать, причина той преждевременной смерти, которая такъ рано и такъ безжалостно скосила эту жизнь, полную энергіи и постоянныхъ трудовъ. И даже въ то время, когда силы совершенно оставили его, когда всѣ замѣчали, что онъ мучается, страдаетъ тѣломъ, онъ отрицалъ помощь стороннюю, а выбившись изъ силъ — съ какимъ трепетомъ и чувствомъ прижалъ къ груди своей небеснаго цѣлителя — св. крестъ Христовъ, и какъ за то Господь тихо, безмятежно взялъ его душу къ Себѣ въ Свои небесныя обители. Какъ въ жизни онъ былъ *единственнымъ* его хранителемъ и помощникомъ, такъ и на одрѣ смерти своей онъ желалъ прилѣгнуть къ этому св. изображенію, чтобы съ нимъ предстать предъ грознымъ лицомъ смерти. — Да, это былъ аскетъ, и я имѣю полное основаніе такъ назвать покойнаго потому, что онъ всецѣло былъ проникнутъ идеей аскетизма. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ собиралъ подробныя свѣдѣнія (и чрезъ меня одно время) объ этомъ высшемъ религіозно-нравственномъ состояніи человѣческой души. Сирь и одинокъ онъ вступилъ въ жизнь; такъ-же не ласково встрѣтила его жизнь на первыхъ порахъ. Суровая духовная школа тогдашняя, крайняя бѣдность сироты — матери, одиночество въ высшей школѣ, — все это положило на него тотъ отпечатокъ, подготовила въ немъ инока, который въ послѣдствіи превратился въ аскета, лишившаго себя всего и служившаго единственно для блага другихъ.

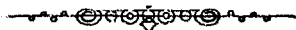
Но это не былъ тотъ суровый, бездушный аскетизмъ, который заставлялъ себя чуждаться другихъ, углубиться всецѣло въ себя и отдать себя на невѣдомые подвиги. Его аскетизмъ мирился съ полюбѣвшимъ желаніемъ блага другимъ и выражался въ другой формѣ христіанской добродѣтели — въ благотворительности. Я не говорю о той благотворительности его, которая извѣстна другимъ и выражалась, какъ и у другихъ, въ открытыхъ пожертвованіяхъ и добрыхъ дѣлахъ, явленныхъ въ епархіяхъ, гдѣ онъ служилъ. Я хочу сказать о томъ, что сирые, беспомощные, труждающіеся и обремененные толпами приходили къ нему, и онъ имъ благотворилъ, какъ могъ и сколько могъ. Человѣку въ нуждѣ онъ готовъ былъ отдать послѣднюю ленту свою и отдалъ бы все, что имѣлъ, на добрыя и благія дѣла, если бы Господь далъ ему побольше жизни.

Не могу скрыть и человѣческихъ достоинствъ нашего покойника. Будучи такъ настроенъ, не по мірски, онъ не чуждался своихъ; онъ искренно любилъ свою старушку мать, онъ радовался нашей работѣ на ивѣ Господней и на пользу религіозно-нравственнаго просвѣщенія на ода. Никто не уходилъ отъ него не обласканнымъ, безъ привѣта, всѣмъ давалъ онъ свои разумные

совѣты, всѣхъ поощрялъ къ дальнѣйшимъ трудамъ на пользу общую и нравственно, и матеріально. Я на вѣки сохранию память о немъ за тѣ нравственныя и матеріальныя поддержки его, которыя мнѣ пришлось получать отъ него въ бытность мою въ высшемъ вертоградѣ духовнаго просвѣщенія, и благодарность въ своихъ грѣшныхъ молитвахъ.

Да, эта потеря для насъ великая и ничѣмъ не вознаградимая! Мы лишились въ немъ своей гордости, своего лучшаго украшенія, своего земнаго молитвенника предъ престоломъ Божиимъ за наши грѣхи. И чѣмъ утѣшить печаль матери?! Какъ ей не скорбѣть, не проливать горячихъ слезъ надъ могилой такого сына! Такія слезы облегчаютъ наши наболѣвшія сердца и успокаиваютъ мянущійся духъ. А молитва исцѣлитъ наболѣвшія раны и дойдетъ до престола Всевышняго и вмѣстѣ съ молитвами другихъ его почитателей поможетъ его чистой душѣ вселиться въ лоно Авраамово, о чемъ и вознесемъ свои горячія молитвы.

Помощникъ смотрителя дух. училища Иванъ Лютинскій.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Празднованіе дня 17-го октября. 17-го октября сего года (въ понедѣльникъ), въ день воспоминанія чудеснаго спасенія Государя Императора Александра Александровича и всего Его Августѣйшаго Семейства отъ смертной опасности, во всѣхъ церквяхъ г. Астрахани были совершены литургіи и благодарственныя Господу Богу молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, при чемъ литургія и молебеніе въ кафедральномъ соборѣ были совершены Пресвященнѣйшимъ Митрофаномъ, Епископомъ Астраханскимъ и Енотаевскимъ, въ присутствіи г. Начальника губерніи, мѣстныхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ и множества народа, наполнявшаго собою не только обширный соборный храмъ, но и самый дворъ кремля. Въ духовной семинаріи наканунѣ этого дня вечеромъ была торжественно перенесена въ семинарскую церковь изъ рекреационнаго зала находящаяся тамъ св. икона, сооруженная въ память праздновавшагося событія на пожертвованія начальствующихъ, преподавателей и воспитанниковъ семинаріи, и затѣмъ въ семинарскомъ храмѣ совершенно было всенощное бдѣніе, во время котораго, послѣ первой каѳизмы, среди храма, передъ принесенною св. иконою о. ректоромъ семинаріи протоіереемъ К. В. Лятебовымъ былъ прочитанъ умиленный акаѳистъ Іисусу Сладчайшему. Въ самый-же день праздника, по окончаніи литургіи и молебствія, св. икона торжественно перенесена была изъ церкви обратно въ рекреационный залъ, гдѣ, по провозглашеніи сугубой ектиніи и обычнаго огнуста, всеми воспитанниками былъ пропѣтъ съ воодушевленіемъ народный